

Берта фон Зуттнер
Долой оружие!

Date: апрель 2008

Пер: с немецкого Л. Н. Линдегрэн

Изд: Зуттнер Б. "Долой оружие!", СПб., 2-е изд. Ф.Павленкова, 1903

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.ru)

REM: Старая орфография исправлена мною на современную, возможно, не всегда корректно

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Установилось почти общее мнение, что мир -- величайшее благо, но вместе с тем не менее распространен взгляд, что война -- зло *неизбежное* и что, следовательно, мир представляет собою недостижимый идеал. Автор предлагаемой здесь читателям книги не разделяет этого взгляда. Напротив, он глубоко верит, что прочное умиротворение народов будет достигнуто, и успех, который имела его книга, шум, который она наделала в Европе, служат несомненным доказательством, что решительное отрицание войны, глубокая вера в возможность окончательного устранения встречают глубокое сочувствие, и что мало того -- именно в настоящее время усилия, направленные к обеспечению мира, признаются особенно своевременными.

Действительно, все кажется заставляет европейские народы подумать именно в настоящее время о предотвращении войны. По мере, того, как Европа вступала в созвездие тройственного союза и его противовеса -- франко-русского соглашения, все более и более упрочивалось убеждение, что она поставлена пред следующей альтернативой: сохранение мира при настоящих международных условиях вызывает страшное финансовое и экономическое истощение всех народов, следовательно, заключает в себе все усиливающуюся опасность, устранение которой заставляет желать развязки; но развязка, с соблюдением интересов всех участвующих сторон, предполагается невозможной помимо войны; война же, в свою очередь, достигнет по многочисленности народов, которые примут в ней участие (около 300 миллионов из 366 миллионов, составляющих все население Европы), и вследствие усовершенствования боевых средств, таких ужасных размеров, будет столь кровопролитна и разрушительна, что при одной мысли о ней даже жестокосердый человек невольно содрогается. Итак, либо ужасная, небывалая война, либо финансовое и экономическое разорение. Это -- как бы заколдованный круг, из которого нет выхода. Единственный выход заключается в разоружении; разоружение же предполагает склонность заинтересованных сторон подчиниться в преследовании своих целей какому-нибудь высшему судилищу, а установление третейского суда признается на нашем материке несбыточной мечтой, недостижимым идеалом.

Такова не теоретическая, а практическая постановка вопроса, придуманная главным образом берлинскими политиками. Надо ли указывать, как мало подобная постановка вопроса мирится с истинными интересами народов? Бремя налогов всюду возрастает, таможенная борьба между двумя группами государству на которые распадается Европа, достигает небывалых размеров к страшному вреду главных отраслей промышленности, кормящих население и питающих государственные казначейства; одним странам приходится покупать дорогой хлеб и оставлять многочисленных фабричных рабочих без заработков, другим -- подрывать свое сельское хозяйство, -- источник частного и государственного благополучия, задержкою в сбыте своих земледельческих продуктов. И благо бы все эти жертвы обеспечивали шансы прочного мира! Нет, разорение, ими вызываемое, ускоряет ту роковую развязку, о которой мы сказали, что и жестокосердый человек пред нею содрогается.

Понятно, что при таких обстоятельствах проповедь мира встречает подготовленную почву всюду, где живо сознание безысходности нынешнего международного положения и где жертвы, вызываемые так называемым вооруженным миром, ложатся тяжелым, почти непосильным бременем на народ. Этим отчасти объясняется тот живой отклик, который встретила книга г-жи Зуттнер почти во всей Европе. Но "были погромче витии", чем писательница, впервые выступившая на литературное поприще с своею пламенною проповедью мира: и знаменитые ученые, и блестящие публицисты, и глубокие мыслители высказывались за последнее время в том же смысле, а "не сделали той пользы пером", какую несомненно принес "роман из жизни" австрийской баронессы. Как это объяснить? Мы думаем, что разрешение загадки заключается именно в том, что г-жа Зуттнер написала только "роман из жизни", т. е. изложила те впечатления, которые она лично вынесла, из четырех войн, перенесенных Европою с 1859 по 1870 г. Отвлеченные рассуждения, как бы они ни были глубоки, с каким красноречием они бы ни были изложены, не производят на большинство людей такого глубокого впечатления, как простые факты,

выхваченные прямо из жизни для подтверждения интересующего тезиса, особенно когда эти факты сообщаются глубоко чувствующим и хорошо осведомленным лицом.

Но есть и другие причины интереса, всюду возбужденного романом г-жи Зутнер. Соображения выдающихся публицистов и мыслителей относительно вреда войны вообще и в частности такой грандиозной, какая ныне грозит Европе, несмотря на всю свою убедительность, читаются сравнительно неохотно, потому что они страдают большим однообразием. Аргументы, как бы они ни были верны, теряют интерес, когда они вследствие частого повторения превращаются в общие места. Ту же участь разделяют и истины, в особенности нравственные; их приходится постоянно повторять, потому что большинство людей их постоянно нарушает. А что такое война, как не насилие, как не нарушение одной из вековечных нравственных истин? Когда еще было сказано, что кто меч поднимет, от меча же погибнет? Сколько раз оправдывалось в частной и народной жизни это глубокое изречение? А люди все продолжают вынимать меч из ножен, и когда им напоминаешь это изречение, когда им разъясняешь глубокое его значение, они испытывают только скуку: давно, дескать, знаем мы эту прописную мораль, -- никто с ней не сообразуется и сообразоваться не будет. Поистине можно было бы опасаться, что если б не существовали другие средства упрочения нравственных истин в сознании людей и в самой жизни, кроме поучения, кроме проповеди, то человечество никогда не двинулось бы вперед и навсегда погрязло бы в том омуте слепых инстинктов и бесконечных страданий, сопутствующих их удовлетворению, из которого его старались вывести великие учителя истинно-нравственной жизни.

Но, к счастью, существуют и другие средства нравственного просвещения. Сама жизнь является также великою учительницею человечества, и те, кто нам ее раскрывает, как она есть, без всяких прикрас, без тенденциозной лжи, должны также считаться, несмотря на безыскусственность их речи, людьми, содействующими торжеству нравственных истин. Можно порадоваться, что это средство их распространения не встречает такого равнодушия, как хотя бы и красноречивая, но голая проповедь морали. Жизнь, даже самая будничная и серенькая, всегда возбуждает в нас интерес, потому что мы тысячами нитей с ней связаны. Торжество вековечных нравственных истин представляется нам часто чем-то недостижимым, осуществляется в жизни так медленно, с такими отклонениями в сторону или с таким явным движением назад, что человек, поставленный в водоворот жизни, испытывающий на себе лично, как мы еще далеки от осуществления даже элементарных нравственных истин, относится к ним равнодушно или даже с плохо скрываемою иронией. Но когда ему изображают жизненную картину тех ужасных последствий, к которым приводит нарушение этих истин, когда он, так сказать, воочию убеждается в том, что от этого нарушения страдают миллионы в сокровеннейших своих интересах, он опять начинает верить в торжество нравственных истин: слишком безотрадны жизнь при их несоблюдении, и человечество должно же наконец понять, что нет иного выхода, нет иного спасения, как подчиниться этим истинам, проникнуться ими, жить для них...

Такая жизненная картина и изображена в книге г-жи Зутнер. Роман ли это? Нет, не роман. Не всякий беллетрист решился бы переполнить свое произведение такими ужасами, какими изобилует книга г-жи Зутнер. И что это за ужасы? Они всем знакомы, и тем не менее мы содрогаемся, читая их описание в романе "Долой оружие!". Невольно спрашиваешь себя, может ли все это быть, и внутренний голос нам отвечает: это -- не сочинительство, это -- сама жизнь. Так отразилась война на благополучии одной семьи, а пострадавших столь же жестоко были десятки, сотни тысяч. Кто измерит море этих человеческих страданий, кто подведет итог этим проклятиям, стонам, крикам отчаяния? И подумаешь, все эти войны, изображенный нам г-жою Зутнер, были игрушкою сравнительно с тою войною, которая ныне угрожает нашему материку!

Но есть еще одно обстоятельство, придающее книге г-жи Зутнер особенный интерес. Автор ее не принадлежит к тому классу людей, которые посвятили себя всецело умственным интересам: он -- не публицист, не ученый, не мыслитель. Г-жа Зутнер вступила в жизнь с мирозерцанием, ничем не отличавшимся от обычного мирозерцания "военных дам". Она бредила военными подвигами, ей хотелось даже самой в них участвовать. "Я увлекалась тем, -- говорит она, -- что выше всего ценилось окружающими меня людьми. Все статские представлялись мне сравнительно с военными, как уродливые жуки сравнительно с красивыми бабочками". Отец ее, боевой генерал, бредил Радецким, военною славою и походами, и дочь невольно сожалела о всяком, у кого не было подобных воспоминаний. Но вот она выходит замуж за офицера, наступает первая война (1859 г.), и она теряет горячо любимого мужа: он погибает славную смертью воина, но именно эта смерть до известной степени подрывает мирозерцание его жены. Сила испытанных страданий впервые заставляет вдову серьезно призадуматься над смыслом жизни, над законностью и необходимостью войны. На столе у нее появляются исторические книги, преимущественно бывший тогда в ходу Бокль. Коренным ли однако образом изменяется ее мирозерцание? В одном пункте несомненно. Война уже не представляется ей чем-то заманчивым; напротив, она возбуждает в ней ужас, отвращение. Но тем не менее ее политическая и социальные воззрения, ее привычки остаются прежними, что и отражается более или менее на ее романе. Следовательно не строго продуманным мирозерцанием, -- политическим и социальным, -- объясняется

сильное впечатление, которое производит книга г-жи Зутнер. Живой интерес, возбуждаемый ею, объясняется тем обстоятельством, что горячий протест против войны исходит в данном случае из общественного кружка, откуда он вообще реже всего слышится. Всякая война, как бы она ни казалась законною с точки зрения общих государственных интересов, отражается гибельнее всего на народе в тесном значении этого слова. Наиболее выигрывают от нее непосредственно те элементы населения, к которым принадлежит г-жа Зутнер. "В конце концов, что может быть для прусского дворянина приятнее и доблестнее, чем быть кавалерийским офицером", -- говорится в одном месте романа. Война существует, до сих пор человечеству не удалось ее искоренить, а вместе с тем, как признает наш автор, необходимо подготовить население к этой всегда возможной случайности, иметь многочисленный класс людей, посвящающих всю свою жизнь военному ремеслу. Но существование этого класса составляет в свою очередь опасность для мира. В Австрии и Пруссии, как и в других государствах, мы встречаем так называемые военные партии, т. е. значительный контингент лиц, воспитавших в себе любовь к войне, добивающихся ее и в тех случаях, когда без нее можно обойтись, не нанося ущерба насущным интересам государства. Вот к этому-то классу людей принадлежит как отец нашей рассказчицы, так и ее первый и второй мужья, в этом классе она выросла, с ним связаны все ее интересы. А между тем она сама, как и второй ее муж, решительно высказываются против войны, даже становятся ревностными агитаторами в пользу установления вечного мира. Конечно, крайне любопытно и поучительно, что в среде этого класса постепенно происходит перемена настроения, что даже из него выходят люди, проникающиеся настолько гуманитарными соображениями, что сами начинают проповедовать вечный мир. В этом смысле выведенный в лице барона Тиллинга, второго мужа героини романа, тип видного военного деятеля, отрекающегося от военной деятельности после ужасных картин войны и превращающегося в апостола мира, представляет большой общественный интерес.

Интерес этот усиливается еще для нас, русских, вследствие того обстоятельства, что барон Тиллинг -- офицер одной из тех армий, с которой нам пришлось бы сражаться, если б тройственный союз разрешился грандиозною войною. Само собою разумеется, что роман г-жи Зутнер до известной степени составляет плод фантазии, но, как очевидно, только в условном смысле: ни один факт не выдуман, сгруппированы факты только так, чтобы скрыть то, что автору было неудобно предавать гласности. В этом отношении г-жа Зутнер имела полное право, назвать свой роман "романом из жизни". И вот с русской точки зрения весьма любопытно убедиться, что и среди австрийской армии находятся лица, возмущающиеся перспективою общеевропейской войны. Как можно судить по многим другим фактам, г-жа Зутнер дала только красноречивое выражение миролюбивой тенденции, проявляющейся в влиятельных австрийских сферах и направленной к предотвращению грозного европейского конфликта. Нынешнее безотрадное международное положение, вызывающее такие значительные жертвы и подрывающее благосостояние всех народов, несколько смягчается сознанием, что даже в той среде, которая, по-видимому, наиболее расположена стяжать военные лавры, находятся воодушевленные и горячие деятели, ставящие себе целью жизни противодействовать вооруженному столкновению.

Независимо от этого, так сказать, специального интереса, возбуждаемого книгою г-жи Зутнер, мы находим в ней много страниц, имеющих общечеловеческий интерес. Война, говорят нам, необходимое зло: без нее-де нельзя обойтись. Наступают моменты в жизни народа, когда вдруг все мирные голоса смолкают, раздается воинственный клич по всей стране, и все население от мала до велика как бы воодушевлено одною мыслью, одним чувством. Вчерашние горячие защитники мира становятся ревностными сторонниками войны. Это явление наблюдается даже среди самых цивилизованных наций. Сама г-жа Зутнер нам рассказывает об одном из таких моментов перед началом франко-прусской войны. На каждом театральном представлении в Париже публика требовала исполнения марсельезы. "Однажды вечером мы с Фридрихом (мужем) также были на таком представлении и должны были встать с наших мест, -- должны были не потому, что кто-либо нас к тому принуждал -- мы могли удалиться в глубину ложи, -- а потому, что мы были наэлектризованы общим воодушевлением". Значит, даже такие горячие сторонники мира, как г-жа Зутнер и ее муж, подчинились общему восторженному настроению, и муж даже поясняет, что подобная электрическая искра, перебегающая от одного человека к другому, и есть любовь, потому что где несколько лиц действуют под влиянием одного общего чувства, они любят друг друга. В данном случае ими руководит не только дикая варварская страсть или ненависть, но и чувство более благородное: они готовы положить жизнь для защиты родины, т. е. ближнего. Если есть нападающая сторона, если родине действительно угрожает варварское нападение, насилие, отторжение той или другой ее части, то защищаться надо, и чем более население воодушевлено готовностью жертвовать собою, тем вернее будет достигнута защита. Но вот по мере того, как цивилизация распространяется и проникает в глубь народа, по мере того, как прежние варварские нападения одного народа на другой становятся все менее возможными, по мере того, как нравственные чувства подчиняют себе до известной степени даже международные отношения, -- с каждым годом все сильнее и сильнее проявляются сомнения относительно неизбежности войн. Честолюбивые замыслы правителей далеко уже не играют той роли, какую они играли прежде, пламенная проповедь той или другой личности в пользу войны также